

Теперь у ворот стало оживленно. Присутствовали все родители и дети, участвовавшие в драке, а также жители деревни, которые пришли посмотреть, по какому поводу шум. Конечно, некоторые из детей, игравших вместе на задней стороне холма, видели, как мальчик Цинь тащил отчима в сторону дома Эр Мао и А-Линя, и они также привели с собой своих родителей, чтобы вершить правосудие. Для детского разума это казалось очень справедливым.

Когда Цянь Дэфу увидел грустное и расстроенное выражение лица Сунь ге-эра, он почувствовал, что необходимо показать величие мужчины перед своим супругом, чтобы тот всегда мог на него положиться. Он хотел быть хорошим отцом, которому ребенок мог бы доверять, чтобы ребенок как можно скорее сменил свою фамилию на его. Но когда он увидел Тан Чунмина, выходящего с маленькими А-Линем и Эр Мао, а также следующего за ними вымазанного грязью жеребенка, выражение его лица стало более сложным.

Фамилия сына Сунь ге-эра была Цинь, а прозвище – Гоудянь*. Хотя он выглядел избитым и опухшим от побоев, но и Эр Мао, и маленький А-Линь были покрыты грязью до самых глаз. Кроме того, лошадь – не дешевое животное. Если она действительно ранена, то это вопрос потери больших денег. Поэтому трудно сказать, кто в конечном итоге понесет ответственность за эту драку.

(ПП: так как мальчик еще маленький, у него нет официального имени, только прозвище. Фактически переводится как Собачье Яйцо. Видимо, чтоб не сглазили)

Сначала Чжан Сю был очень зол, когда услышал, что его собственный ребенок подрался. С тех пор, как он научился читать и писать с Мин ге-эром и изучил боевые искусства с Ли Фэном, у него было гораздо меньше проблем с мальчиками в деревне. Когда он услышал, что его сын подрался и избил чужого ребенка, он сначала хотел надрать задницу Эр Мао и заставить его извиниться перед пострадавшим ребенком, но беспорядок в одежде двух детей и внешний вид жеребенка лишили его возможности упрекнуть их.

Как только Эр Мао увидел, что мать не собирается его шлепать, он снова воспрянул духом и гневно указал на Цинь Гоудяня:

- Мы сказали ему, что не собираемся с ним играть, а он подошел и схватил нашего жеребенка. Он даже толкнул А-Линя и попытался ударить Тадаюня, так что мне пришлось избить его. Это он был неправ!

- Плохой мальчик, побейте плохого мальчика! – громогласно поддержал его А-Линь и посмотрел на Гоудяня недобрый взглядом. Они воспитывали Тадаюня и тот, кто издевается над ним, – плохой парень. А-Линь взял на себя роль защитника Тадаюня.

- Я просто хочу повеселиться. Почему мне нельзя поиграть с ним? Животные предназначены для битвы. Если он не будет катать меня, я его изобью! – Цинь Гоудянь оскалил зубы и стал похож на маленького волка, словно собираясь укусить Эр Мао и А-Линя. Но поскольку он не мог победить их, его успокаивал тот факт, что с ним был кто-то еще. Он потащил Цянь Дэфу за рукав, – Дядя, ты так не думаешь?

Лица людей на стороне Тан Чунмина потемнели. Даже Хэ Лао, который в силу своего возраста был наиболее терпим к молодому поколению, не мог не нахмуриться. Что за слова произносит этот ребенок? Разве так взрослые учат своих детей? Не говоря уже о том, как глубоко А-Линь, Да Мао и Эр Мао переживают за Тадаюня, даже фермерские семьи любят свой скот и не бьют его ради забавы.

Взрослые, которые пришли посмотреть на шумиху, также не согласились с этим. Что этот мальчик имеет в виду под словами «животные предназначены для битья»? Кто захочет бить хорошее животное? Так Цянь Дэфу и Сунь ге-эр учат своих детей? Неудивительно, что этот мальчик поссорился с Эр Мао и А-Линем.

- Что за чушь ты несешь? – Сунь ге-эр взвыл в своем сердце. У этого ребенка был ужасный характер. Чем больше он запрещал ему что-то делать, тем больше он хотел это сделать, но теперь эти слова вызвали гнев общественности, и ему пришлось сделать выговор своему собственному ребенку.

Цянь Дэфу не ожидал от мальчика таких слов. Ребенок пробыл здесь всего несколько дней, он не мог научить его такому. Видя, что взгляды других людей стали нехорошими, он немного встревожился, взял Цинь Гоудяня за руку и сказал:

- Гоудянь, даже у лошадей есть характер. Ты не можешь бить их...

Лучше бы он этого не говорил. После этих слов характер мальчика стал еще хуже. Он повернул голову, уставился на Цяня Дэфу и закричал:

- Ты сказал, что будешь добр ко мне и будешь любить меня. Так ты ко мне относишься? Я просто хочу поиграть с лошадкой, почему ты мне не помогаешь?

- Ты... - Цянь Дэфу никогда не был добродушным человеком, иначе он бы не избивал своего предыдущего супруга. Видя, как этот ребенок извивается и пинает его, он немного разозлился. Почему этот ребенок так плохо себя ведет и такой непослушный? Но, думая об обещании, данном ребенку, и думая его матери, ему пришлось подавить свой гнев и уговаривать, - Давай сначала пойдем домой, дядя купит тебе конфет...

- Лжец! Ты большой лжец! Моя мать тоже лжец!

Цянь Дэфу схватился за запястье и закричал от боли, а мальчишка бросился бежать. Оказывается, ребенок укусил его за руку и следы зубов сильно кровоточили. Сунь ге-эр торопливо бросил платок, который держал в руках, в Цяня Дэфу и сказал:

- Прикрой это, а я пойду и найду Гоудяня. Не знаю, куда он направится на этот раз.

Забыв извиниться перед семьей Чжан Сю и семьей Тан Чунмина, семья сбежала. Цянь Дэфу, в

частности, чувствовал себя униженным. Он пришел помочь своему пасынку, а вместо этого опять опозорился. Когда он подумал о своем унижении перед домом Тан Чунмина в прошлый раз, ему захотелось закрыть лицо и исчезнуть.

Только спустя долгое время Чжан Сю обрел голос:

- Что с этими людьми?

Тан Чунмин нахмурился:

- Этот мальчик действительно волчонок. Не связывайся с ним больше, Эр Мао. А-Линь, если что-то подобное повторится, позови взрослых, хорошо?

Хорошо, что Эр Мао выиграл сегодняшний бой. Иначе он не смел и подумать, что было бы, если бы их так покусали.

- Я не боюсь его! - Эр Мао сегодня победил, и он не воспринял этого маленького злодея всерьез.

Чжан Сю сердито потрепал его по голове:

- Делай, что тебе говорят, и слушай тетю Мин. Иначе тебе не разрешат играть с жеребенком.

- А, понял, - у Эр Мао не хватило смелости противоречить своей матери. Он вынужден был согласиться, подумав про себя, что если Гоудянь посмеет задирать Тадаюня и А-Линя при следующей встрече, он снова его побьет!

Ли Фэн поднял А-Линя и сказал Тан Чунмину:

- Дела в округе почти закончены. С этого момента я буду меньше ездить и позабочусь о делах дома. Не волнуйся, - Ли Фэн боялся, что Тан Чунмин будет переживать. По характеру этот мальчик похож на волчонка, так что он также боялся, что А-Линь пострадает от его рук. За Эр Мао он не сильно волновался. В конце концов, он был мальчиком и тренировался с ним в боевых искусствах, поэтому у него больше силы в руках и ногах, чем у других детей его возраста.

Поздоровавшись с деревенскими, наблюдавшими за шоу, Тан Чунмин и остальные закрыли дверь во двор и взяли Эр Мао с собой. Сначала им нужно было быстро вскипятить воду и привести детей в порядок. Однако двое детей настаивали на том, чтобы сначала вымыть Тадаюня, прежде чем принять ванну самим, и они не позволили Ли Фэну сделать это. Это было очень принципиально. Тан Чунмин видел, что двое детей не приняли произошедшее близко к сердцу, и отпустил их. Когда Да Мао вернулся и услышал, что мальчик Цинь издевался над ними, двое детей еще не закончили мытье Тадаюня, поэтому Да Мао присоединился к ним.

Трое детей склонили головы и принялись что-то обсуждать.

Подливая горячую воду в котел на плите, Чжан Сю сказал:

- Я не ожидал, что этот ребенок будет таким. Многие люди видели то, что произошло сегодня. Я уверен, что весть об этом скоро распространится. Кто осмелится играть с таким ребенком в будущем? Он даже более агрессивен, чем прежний Чжао Дун.

Теперь Чжао Дун больше не смел подходить к Да Мао, Эр Мао и А-Линю. Даже если они встречались на дороге, Чжао Дун избегал их.

Чжан Сю не знал, что на самом деле Чжао Дун не изменил свой нрав, просто он был очень напуган. В тот день, когда Ли Фэн с холодным лицом, как у Бога Смерти, сломал ногу Хуана Сигоу, он спрятался в толпе и наблюдал за происходящим. Он был так напуган, что чуть не описался. Даже сегодня он осмелился лишь наблюдать издалека, когда увидел схватку Цинь Гоудяня и Эр Мао. Если бы раньше он увидел, как кто-то издевается над А-Линем и остальными, он бы непременно подбежал и стал издеваться вместе с ними.

- Я действительно не представляю, как сформировался характер этого мальчика. Но я не буду с ним вежлив, раз он издевался над моими детьми. Меня не волнует, ребенок он или нет, и по какой-то причине он стал таким. Это не имеет ко мне никакого отношения. Пусть обращаются к тем, кто воспитал его таким. Никто другой не обязан нести за это ответственность.

- Да, поэтому сегодня я больше не винил Эр Мао. Если хочешь знать мое мнение, хоть Цянь Дэфу только что женился, но с таким ребенком в их семье не будет мира, - Чжан Сю покачал головой.

Тан Чунмин скривил губы. То, как Цянь Дэфу вел себя сегодня, заставило его снова презирать его. В своей прошлой жизни он знал некоторых мужчин, которые были способны на домашнее насилие, но все эти люди высокомерны только снаружи, а на самом деле были просто слабаками и трусами.

Вскипятив воду и помыв всех троих детей, включая Да Мао, Тан Чунмин обнял и поцеловал А-Линя. Он был действительно впечатлен его сегодняшним выступлением. Какой хороший малыш, и он заслуживает быть его ребенком!

Напротив, А-Линь снова стал застенчивым. Он счастливо лежал в объятиях матери и обнимал его за шею. А-Сен мог только пристально смотреть на него, сцепив пальцы рук.

После ужина Да Мао и Эр Мао вернулись к себе домой. Когда Хэ Лао и двое детей легли спать, Ли Фэн отвел Тан Чунмина в новый дом, чтобы посмотреть вещи, которые он привез из уезда. В частности, два новых свадебных костюма.

Ли Фэн принял во внимание предыдущий пол Тан Чунмина и, заказывая свадебный наряд, он выбрал не платье, костюмы похожего фасона для них обоих. Они были выполнены в похожем стиле, за исключением того, что наряд ге-эра был более тонким, а вышивка на одежде была более яркой и изысканной. Костюм Ли Фэна был темно-красным с вышитым орлом, а у Тан Чунмина - ярко-красным с вышитой птицей удачи.

- Какая расточительность. Так много денег, чтобы надеть его на один день. Но вышивка действительно очень тонкая, - Тан Чунмин прикоснулся к разложенной перед ним свадебной одежде.

Как только он открыл рот, сразу испортил всю атмосферу своей прагматичностью, но Ли Фэн не возражал и счастливо улыбнулся:

- Если брату Мину нравится, то это хорошо. Серебро зарабатывается, чтобы его тратить. Зато посмотри, как ты прекрасно будешь выглядеть.

Тан Чунмин взглянул на Ли Фэна. Этот человек все больше и больше терял самообладание. Неужели он превратится из крутого парня в простого деревенского увальня?

От этого взгляда сердце Ли Фэна затрепетало. Лишь с большим трудом он сдерживал себя, чтобы не нарушить правила.

Он потянул за собой Тан Чунмина, чтобы тот примерил наряд. Если что-то не подходит, он может отправить это в округ или брат Мин сможет изменить это сам.

На самом деле, сердце Тан Чунмина также было полно радости. Его сердце пузырилось от счастья и его восторг был даже больше, чем у Ли Фэна. В его предыдущей жизни, даже если бы у него был мужчина, который ему нравился, он осмелился бы только пробираться к нему тайком, но у него не было возможности публично принять благословения друзей и семьи. Но в этой жизни у него была возможность надеть свадебный наряд и вступить в брак с тем, кого он любил.

Выражение на его лице было ничуть не лучше глупой радости Ли Фэна.

Наблюдая за тем, как Ли Фэн понемногу обустривает их новый дом, Тан Чунмин также все больше и больше предвкушал свою будущую жизнь.

На следующий день Тан Чунмин снова встретился с Сунь ге-эром и его сыном. Сунь ге-эр сказал, что он привел своего ребенка, чтобы извиниться.

- Брат Мин, мне очень жаль. Я баловал его с самого детства, потому что у него нет отца. Вчера

я отругал его, когда вернулся. Он знает, что ошибся. Гоудянь, почему бы тебе не извиниться перед братом Мином и А-Линем? Ты уже большой и не можешь обижать ге-эров. Кто осмелится играть с тобой в будущем?

Тан Чунмину не терпелось избавиться от этой парочки. Упрямый взгляд стоящего перед ним шестилетнего мальчика никого не мог обмануть. Кто знает, как Сунь ге-эр уговорил его прийти и извиниться, но Тан Чунмин видел, что мальчик совершенно не считает, что сделал что-то плохое. Кроме того, играть с ним вместе? Тан Чунмин никогда не позволит А-Линю играть с таким ребенком.

Накануне Шэнь Фулан также услышал о конфликте между детьми, поэтому он пришел навестить А-Линя ранним утром. Ему нравился А-Линь, хорошо воспитанный маленький ге-эр, и потому Шэнь Фулан боялся, что над ним будут слишком сильно издеваться. Случилось так, что он наткнулся на сцену, где появился Сунь ге-эр.

Тан Чунмин неохотно сказал:

- Мы оба - матери, и не хотим, чтобы над нашими детьми издевались другие. Кроме того, А-Линь - ге-эр и он младше, твой мальчик Цинь больше не должен этого делать. Мужчина должен защищать ге-эра.

Цинь Гоудянь внезапно поднял голову и сказал:

- Мне разрешат играть с жеребенком, если я извинюсь?

Шэнь Фулан не мог не посмотреть на Сунь ге-эра. Что он сказал ребенку? Что после извинения можно поиграть с жеребенком, чтобы убедить его прийти и извиниться?

Сунь ге-эр окинул собственного сына мрачным взглядом. Что он говорил, когда был дома и почему внезапно передумал, когда попал сюда?

Шэнь Фулан сказал:

- А если тебе не разрешат поиграть с жеребенком, ты не извинишься?

- Все не так... - встревоженно сказал Сунь ге-эр, желая объяснить сыну.

- Почему мне не разрешают играть с ним? Я прав! - Цинь Гоудянь был свиньей-товарищем по команде*, поэтому он размахивал руками и перебивал, не давая своей матери закончить говорить.

(ПП: свинья-товарищ - обычно в командной игре горе-игрок, который тянет свою команду вниз)

Тан Чунмин не мог удержаться от злого смеха. Говоря об извинениях, он извинился таким образом. Словно, именно А-Линь и Эр Мао поступили неправильно. Дело было не в том, что он, взрослый человек, не хотел спорить с ребенком, но он не хотел подпускать А-Линя близко к такому мальчику. Тон его голоса выдавал его недовольство:

- Значит, мой ребенок попал в беду из-за того, что играл на собственной горе? Значит, я потратил десятки лян серебра, чтобы купить жеребенка только для того, чтобы с ним могли играть другие? Не приводите сюда ребенка, не желающего извиняться. В итоге оказалось, будто это мы издеваемся над кем-то другим. Я не могу ничего сказать о чужих детях, но я все еще могу принимать решения о своих собственных детях и своем собственном имуществе.

Сказав это, Тан Чунмин развернулся и пошел в дом, не глядя на готового заплакать Сунь ге-эра. Это было просто смешно – как это внезапно он сам стал хулиганом? Он был беспомощен, впервые столкнувшись с таким человеком.

- Шэнь Фулан, я... Я не это имел в виду... Это все моя вина... - тщетно защищался Сунь ге-эр с покрасневшими глазами.

- Тогда что ты хочешь от Мин ге-эра? - сварливо спросил Шэнь Фулан, - Чтобы он отдал свою семейную лошадь твоему мальчику избивать ее для развлечения? Тебе лучше вернуться и сначала хорошо обучить своего сына, иначе все в деревне, у кого есть животные, будут вынуждены избегать его.

Как супруг старосты, Шэнь Фулан не церемонился в выражениях. Он ничего не сказал мальчику, так как, по его мнению, его плохое воспитание - это полностью вина взрослых.

- Плохие люди! Вы все плохие люди! Вы плохие люди, раз не даете мне играть! И маму ругаете - вы все плохие! - неожиданно мальчик выскочил сбоку и плюнул на Шэнь Фулана, без конца проклиная его. Вид его оскаленных зубов и ногтей вызвали у Шэнь Фулана желание придушить его.

Сунь ге-эр поспешно схватил сына и потащил его в сторону дома. Уходя, он сказал:

- Мне жаль, Шэнь Фулан. Ребенок еще маленький, я вернусь и хорошенько проучу его. Мне жаль... Это все потому, что его отец рано ушел ... Гудянь, прекрати это...

Шэнь Фулан с отвращением взглянул на свою испачканную одежду, и ему негде было выплеснуть свой гнев:

- Что это за люди? Значит, мы не можем ничего сказать, если он так воспитывает своих детей? В нашей деревне действительно никогда не было такого ребенка, поэтому неудивительно, что их семья Цинь так легко позволила ему взять его с собой.

Испытывая отвращение, он попросил у Тан Чунмина щетку и немного воды, чтобы сначала смыть плевки, прежде чем пойти домой и переодеться.

- Я думаю, что иметь такого ребенка тоже хлопотно, - Тан Чунмин нахмурился, наливая воду Шэнь Фулану.

С ним было бы легче иметь дело, если бы сам Тан Чунмин был ребенком примерно того же возраста - просто избить его до покорности. Но теперь он взрослый и сам имеет детей, так что этот метод не сработает. Но он не мог перестать беспокоиться о своих детях.

Но дело было далеко не закончено. Как только Шэнь Фулан покинул дом Тан Чунмина, кто-то подошел к нему, чтобы спросить, не издевались ли над Сунь ге-эром за то, что он отвел своего сына к семье Тан, чтобы извиниться. Если нет, то почему он в слезах убежал из дома Тан Чунмина?

Услышав это, Шэнь Фулан пришел в ярость:

- Значит, этот Сунь ге-эр ничего не сказал? Это то, о чем говорят все остальные?

- Не сердитесь пока, Шэнь Фулан. Мы не знаем, что происходит. Но я не думаю, что брат Мин - такой человек. Кроме того, многие видели, что этот безжалостный волчонок сделал вчера.

Видя, как сердится Шэнь Фулан, остальные догадались, что дела обстоят не совсем так, как они себе представляли.

- На самом деле нечего сказать по этому поводу. К счастью, я был там сегодня, в противном случае брат Мин не смог бы защитить себя. Мы никогда не видели такой семьи с ребенком в нашей деревне. Он сказал, что собирается отвести ребенка в дом брата Мина, чтобы извиниться. Но как они извинились? Этот мальчик сказал, что не извинится, если ему не дадут поиграть с жеребенком. Брат Мин не стал связываться с этим ребенком и ушел. Я сказал ему пару слов, но этот мальчишка плюнул на меня. Вот, смотрите, я даже переодеться не успел. Значит, я тоже стал злодеем за то, что издевался над матерью и сыном! - Шэнь Фулан повысил голос от гнева. Боюсь, что если он не раскроет это дело первым, то через несколько дней разойдутся слухи, что брат Мин издевался над матерью и сыном, которые искренне пришли извиняться.

Мужчина также был потрясен и сказал:

- Не сердитесь, не сердитесь. Мы все неправильно поняли. Что это за люди такие? Вместо того, чтобы воспитывать своего ребенка, он начинает плакать. Это действительно заставляет людей думать, что над ними издеваются.

Благодаря словам Шэнь Фулана, слухи в деревне были остановлены до того, как они

распространились. До этого люди говорили, что Тан Чунмин смотрит на своих односельчан свысока, потому что он богат, и некоторые даже соглашались с этим. Но тут же кто-то разнес весть о том, что сказал Шэнь Фулан, так что те, кто говорил ерунду, тут же умолкли. Какое воспитание у этого ребенка? Как он посмел плюнуть в Шэнь Фулана? Значит эти взрослые не смогли хорошо обучить ребенка?

Некоторые люди также сочувствовали Сунь ге-эру. Они говорили, что ге-эру нелегко растить мальчика. Он еще ребенок и не знает ничего лучшего. Другие сочувствовали Цяню Дэфу, которому пришлось стать отчимом для такого волчонка, которого нелегко будет дисциплинировать. Что можно сделать в этой ситуации? В тот день, прежде чем Цянь Дэфу успел что-то сказать, он укусил его, да так сильно, что показалась кровь.

- Какой смысл его жалеть? Разве он не сам нашел себе ге-эра с таким ребенком. Неужели он не знал, что это за ребенок-медвежонок*, прежде чем жениться? Просто он был слишком очарован этим ге-эром, так что пошел даже против воли родителей, - сказал кто-то.

(ПП: медвежонок - невежественный, грубый, невоспитанный ребенок)

- Да, что нам делать, если наши собственные дети тоже подвергнутся издевательствам со стороны этого мальчика, а потом их мать придет плакать к нашей двери? Если так хорошо умеешь плакать, лучше как следует воспитывай своего ребенка. Если дети не ведут себя хорошо, то бейте их, пока они не станут вести себя хорошо! - ге-эры, у которых уже имелись свои дети, сочувствовали ситуации брата Мина, но не знали, что делать, столкнувшись с такой семьей. Когда это покупка лошади за собственные деньги стала ошибкой? Таких вещей не бывает.

Естественно, слова, сказанные снаружи, достигли ушей Тан Чунмина и Ли Фэна. У Ли Фэна немного болела голова, ему проще было убивать варваров на поле боя, чем все это. Тан Чунмин, однако, заметил, что Да Мао и Эр Мао все время что-то обсуждали. Когда он вызвал этих двух мальчиков и прямо спросил их об этом, все было так, как он и предполагал. Они обсуждали, как поступить с мальчиком Цинь, чтобы выместить свой гнев.

Тан Чунмин поучал их обоих:

- Разве я не говорил, Эр Мао, что ты тоже дурак? Если ты дерешься, то дерись по-умному. Какой смысл избивать кого-то до синяков? Разве не очевидно будет, что ты издевался над ним, и тогда они придут к тебе, чтобы свести счеты. Если бы вы, ребята, разобрались с этим делом аккуратно в тот день, стали бы мы, взрослые, вас ругать?

- Это он начал первым. Кроме того, он старше меня, - Эр Мао гордился собой. Даже если Гоудянь был злым и безжалостным, он все равно был побежден. Поэтому последние два дня он говорил своему старшему брату, что хочет поймать его и снова избить. Но его старший брат не согласился с этим методом, вот почему они спорили.

Хэ Лао смеялся в стороне. Он уже понял, что брат Мин имел в виду. Это правда, что родителям

трудно вмешиваться в этот вопрос, поэтому они должны позволить детям разбираться самим, но они должны обратить внимание на то, как именно это сделать.

Ли Фэн быстро понял мысль брата Мина, в конце концов, он тоже был мальчишкой. Он вышел вперед и постучал Эр Мао по голове:

- Разве я учил тебя боевым искусствам, чтобы ты дрался и выпендривался? Если это повторится, тебе следует пойти в школу, усердно учиться и перестать заниматься боевыми искусствами. Я не собираюсь учить безрассудного мальчишку, достаточно глупого, чтобы оставлять такие очевидные улики.

Эр Мао это не убедило и он вызывающе спорил с дядей Фэном, что он вообще ненамеренно дрался. Он просто сопротивлялся, иначе им с А-Линем пришлось бы подвергнуться издевательствам. Но Да Мао понимал, о чем говорят взрослые. Видя, что Эр Мао все еще достаточно глуп и пытается объяснить, он оттащил своего брата в сторону и принялся что-то ему толковать.

В следующие несколько дней, когда Ли Фэн обучал этих двух мальчиков боевым искусствам, он, казалось, бессознательно указывал на мягкие места на человеческом теле и показывал, как применить силу так, чтобы было больно, но при этом не было обнаружено никаких повреждений. Конечно, двое детей, казалось, не осознавали этого, но Тан Чунмин и Хэ Лао, наблюдавшие за происходящим, чуть не надорвали себе животы от смеха. Это стало прямой демонстрацией двум детям, как обмануть чужих детей и сделать так, чтобы взрослые не могли найти доказательств.

Чжан Сю изначально беспокоился, что Эр Мао снова будет драться. Если бы Тан Чунмин не сохранил улики в прошлый раз, все подумали бы, что именно Эр Мао издевался над новым ребенком. Но после того, как Тан Чунмин шепнул ему на ухо несколько слов, он отложил этот вопрос в сторону. Пусть дети сами разбираются с этим, нельзя же все время подтирать им задницы.

<http://bllate.org/book/13611/1207250>